

Виктория Трелина

ЖИЛА—БЫЛА
ДЕВОЧКА — 2

Юность на границе тысячелетий

Виктория Трелина
Жила-была девочка –
2. Юность на границе
тысячелетий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074099

ISBN 9785448342295

Аннотация

Конец девяностых – начало двухтысячных годов – это уже тоже история, со своими атрибутами и «фишками», которые, конечно, не такие у всех одинаковые, как общее советское детство, но всё же... Тот, кто увидел себя в первой повести, найдёт частичку себя и во второй...

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	8
Дорога в новую жизнь	8
Новая жизнь начинается	12
Подготовительные курсы	16
Первые выходные	22
Вступительные экзамены	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Жила-была девочка – 2
Юность на границе
тысячелетий
Виктория Трелина

© Виктория Трелина, 2016

ISBN 978-5-4483-4229-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

По многочисленным просьбам моих любимых читателей, и несмотря на моё обещание – не писать вторую часть, «Жила-Была девочка 2» всё-таки готова! Эта книга только для тех, кто читал «Жила-была девочка. Повесть о детстве, прошедшем в СССР». Даже так: только для тех, кто повесть искренне полюбил. Я знаю – таких много. И мне безумно приятно, что много.

Начиная писать первую книгу, я была уверена, что она, несмотря на бесхитростный сюжет и незамысловатый слог, найдёт своих читателей, тех, которые, прочитав однажды полюбят её навсегда. Я знала, что книга «выстрелит». И она выстрелила. Пять тысяч бумажных экземпляров распроданы очень быстро практически без остатка. Книгу в электронном виде продолжают читать очень активно, несмотря на отсутствие рекламы. Восторженные отзывы мне приходят регулярно. Конечно есть и те, кто уличал повесть в примитивности стиля, скупости мысли и схематичности повествования. Куда же без критики? Не буду опровергать это мнение. Тем более, что оно абсолютно верно. Ведь книга написана от лица ребёнка, а позже —девочки-подростка, выросшей в спокойной маленькой деревне, воспитанной в мирном Советском Союзе. Девочки из простой консервативной семьи, боящейся всяких перемен и новых мест. Разве эта девочка мог-

ла написать иначе? Я уверена, что МОИ читатели: те, которые полюбили книгу с первых строк, которые перечитывают её по нескольку раз, которые пишут мне тёплые, искренние слова благодарности, совсем не глупые люди, и всё правильно поняли. Поняли, что задача повести вовсе не в мудрёности сюжета и высокохудожественном стиле, а совсем в другом... И эта задача была успешно выполнена.

Кстати, тем, кого раздражала «любовная тема» в первой повести, не стоит читать вторую часть. Любовная тема здесь будет. Её будет много. Куда же от неё деться? Девочка повзрослела. Возраст от шестнадцати до двадцати лет — это возраст любви.

Я не планировала писать продолжение повести, но в каждом втором отзыве была эта просьба. Меня спрашивали, как сложились судьбы подростков в дальнейшем, просили показать в социальных сетях прототипов героев книги, «требовали» вторую часть, чтобы всегда иметь под рукой возможность поностальгировать не только по восьмидесятым, но и по концу девяностых-началу двухтысячных. Ведь эти годы — уже тоже история, со своими атрибутами и «фишками», которые, конечно, не такие у всех одинаковые, как общее советское детство, но всё же... Тот, кто увидел себя в первой повести, найдёт частичку себя и во второй. Все же мы были студентами. Студент — это уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Студенческие времена — это, когда ты идёшь домой через парк, а тебе хочется покататься на всех ат-

тракционах, но денег нет даже на один, денег у тебя только на проезд, и на булочку с корицей из университетского буфета. Но это тебя не сильно волнует... У тебя много других радостей: прогулять пары в беседке с однокурсниками, проехаться без билета в троллейбусе, на весь троллейбус посмеяться под недовольными взглядами уставших от жизни пожилых женщин, обсудить первого красавчика факультета, собраться в пятницу вечером у друзей в общежитии, накопить денег на новую кассету с хитами сезона. Ну и, конечно, защитить диплом... Но до его защиты ещё столько времени-целая жизнь. Целая юная, кипящая страстями и эмоциями жизнь!

Приятного чтения, мои дорогие, мои любимые, моё родное поколение 80-х, повзрослевшие дети, выросшие в СССР!

Часть первая

Абитуриенты

Дорога в новую жизнь

Переезжали в город мы вместе с Маринкой Королёвой. Точнее, ехали мы не одни: дедушка на «Москвиче» вёз нас с мамой, Маринкой и её матерью до Прохоровского вокзала. Ехали молча. Накануне Маринкина мать устроила ей взбучку из-за Карася: запретила с ним встречаться, в общем. Ну типа: он взрослый, без образования, к тому же бухает, а Маринке надо учиться... ну и всё в этом роде. Между Королёвыми чувствовалось напряжение, которое передалось всем. Я сидела впереди, и в зеркало заднего вида наблюдала за Маринкой. Подруга была сама не своя: даже не просто грустная, а словно запуганная какая-то, не накрашенная, по лицу красные пятна – недавно плакала. Тётя Света с таким же лицом в пятнах, молча смотрела в окно. От неё веяло злостью. Видимо, скандал был сильный. Моя мама, оказавшись в этом облаке напряжения, тоже молчала. А дедушка, как всегда, сосредоточенно вёл машину. Я оставила тщетные попытки узнать у подруги с помощью вытаращивания глаз и вскидывания бровей в зеркало, что же всё-таки произошло (Марин-

ка на меня никак не реагировала, потупив взгляд в колени). Как-то плохо мы начинаем новую жизнь. Где же тот «добрый путь», в который учителя посылали нас всех на выпускном? Я улыбалась и храбрилась всё утро, чтобы не расстраивать дедушку с бабушкой, чтобы настроить себя на нужный лад, чтобы встретить новую жизнь достойно. Я не привыкла показывать своё плохое настроение. Меня учили, что это некрасиво. Хотя мне в душе ещё как грустно: детство закончилось, последний звонок прозвенел, впереди неизвестность. Отныне я должна буду жить в суетливом, недоброжелательном городе, в деревню – только в выходные, да и то не в ближайшие: нужно готовиться к вступительным экзаменам на филологический факультет.

В отличие от Королёвой, я сама решила, куда буду поступать. Не могу сказать, что сделала это как-то супер сознательно: просто филфак – почти единственное место, где не нужно сдавать математику, которая мне очень туго даётся. У меня гуманитарный склад ума, так говорила моя классная руководительница. А Королёва пойдёт в медицинский колледж, учиться на медсестру. Так решила тётя Света. У меня будет высшее образование, а у Маринки-нет. Мне вообще нет никакой разницы, но окружающие считают, что высшее образование – это круто. А ещё некоторые считают, что мне «с моим сельским аттестатом лучше забыть про этот БГУ» – так вчера сказал Макс, который в этом году перешёл на второй курс этого же университета.

Да, еще вчера вечером мы сидели на кормоцехе всей компанией, потом шли домой по освещенным редкими фонарями улочкам под лай собак, еще утром я проснулась на своей перине, ела бабушкину кашу, слушала умиротворяющее тиканье настенных часов, гладила мурчащую кошку... Стук нашей калитки, нянькины шаги в сенцах, привычное кудахтанье кур во дворе... Вдруг все эти, такие простые и обыденные вещи, показались мне такими милыми и нужными, такими родными и приятными... и такими далекими, навсегда утраченными... Слёзы предательски навернулись на глаза, в горле встал комок, и я слилась со всеми пассажирами нашей машины в тяжёлом облаке напряжения.

Мой пунктуальный дедушка, как обычно, привёз нас на вокзал глубоко заранее: до электрички оставался целый час. Час тяжёлого молчаливого ожидания. Людей в большом пустынном зале было, как назло, мало. Развеять облако, возникшее в машине, не получалось. Мы сидели в холодных зелёных вокзальных креслах, изрезанных ножичками. Под ногами тяжёлые холщовые сумки. На душе тяжелая тоска. Дедушка, почему-то решил не ждать прихода электрички, сославшись на сенокос. Он натянуто улыбнулся, видимо, тоже чувствовал облако, и, как можно бодрее, произнёс: «Ну, давай, внуча! Удачно сдать экзамены тебе. Не забывай нас». И тут комок в моём горле подкатил совсем близко, и я разревелась... Громко, в голос, с эхом на весь пустой вокзал.

Так захотелось снова стать маленькой, когда плачь помо-

гал снять любое напряжение, когда слезами всегда добиваешься своего. Если бы можно было сейчас сесть в машину с бабушкой и вернуться назад в деревню, туда, где всё хорошо, туда, где нет проблем, где уют, тепло и во дворе ку-дахнут куры. Но, нет, нет, НЕТ! Так уже не получится. К сожалению, детство кончилось! От моего плача облако никуда не делось. К тому же разозлилась моя мама, проворчав что-то вроде того, что я веду себя так, будто уезжаю за тридцать земель навсегда. Бабушка, жалея меня, в свою очередь, разозлился на маму и начал объяснять ей, что «ребёнку тяжело менять привычный образ жизни». Я поняла одновременно то, что бабушка очень расстроен моим отъездом, и то, что я сейчас могу стать причиной «грозы из облака», собрав всю свою силу воли, проглотила комок и пошла провожать бабушку к машине...

Наш беленький «Москвич» уезжал, вздымая клубы пыли... уезжал туда, где сенокос, где райсобес, керогаз, туда, где «домик над рекою, в окнах огонёк», где кошка на лежанке, где всё так легко и уютно, туда, где осталось моё детство...

Я смотрела вслед своему уезжающему на белом «Москвиче» детству, и уже не плакала, плакать было бессмысленно...

Новая жизнь начинается

В городе мама выделила мне личную комнату в квартире. Я расставила на тумбочке свою косметику, разложила альбомы с фотографиями в полочки. У меня здесь свой телевизор, который я смотрю только по вечерам. Днём я учу... Я никогда столько много не учила. Впереди три экзамена: литература, сочинение и история. Мой стол завален брошюрками с надписями: «Краткий курс истории», «Пособие для поступающих в ВУЗЫ», «Билеты для поступления на факультет филологии». Днём, когда дома никого нет, я сижу на балконе и зубрю даты: восстание декабристов, бородинская битва, какие-то революции... В голове каша. В нашей сельской школе, мы никогда не напрягались. Хорошие оценки доставались как-то легко. А сейчас мне кажется, что на самом деле ничего не понимаю в истории, не помню правил русского языка, и вообще, прав был Макс – с моим сельским аттестатом меня никуда не возьмут.

На улице разгар лета: под окнами вечерами собирается местная молодёжь. Я разглядываю из-за шторы незнакомых парней и девчонок, они мне не нравятся. Все какие-то на одно лицо, и время проводят скучно: сидят на низеньком заборчике у клумбы, плюют семечки, курят. Мама предупредила меня сразу: «Чтобы я не видела тебя на этом парапете». То есть, знакомиться с местными мне почему-то нельзя. Я

не уточняю почему, так как, я заметила – мамины доводы мне не особо понятны. Да, я и не хочу ни с кем знакомиться. Я скучаю по своей компании.

Вечерами я звоню Нинке, она тоже в этом году поступает в колледж. В последний момент сестра решила поступать после девятого класса вместе со своей подругой Олей учиться на бухгалтеров. Я вообще ничего не понимаю в этой скучной профессии. Ниночка говорит, что тоже ничего не понимает, но мать обещала помогать ей (тётя Римма всю жизнь работает бухгалтером).

Мы с Нинкой вместе тоскуем по деревне, вспоминаем веселые, беззаботные вечерние посиделки и мечтаем поехать в конце июля, после экзаменов в деревню вместе, одни, без родителей на электричке. У Королёвой дома телефона нет. Она сама звонит мне изредка от соседей, рассказывает, как тяжело ей живётся с матерью, шёпотом в который раз рассказывает подробности последнего свидания с Юркой-Карасём. Карась, кстати, когда-то звонил мне из деревни. Я перед отъездом дала всем нашим свой городской номер. В деревне телефон есть только в магазине, на медпункте, и у отца Рустама. Звонить по межгороду дорого. Видимо Карась сильно скучает по Королёвой, раз так заморочился: пошёл к кому-то попросил, заплатил. ... Он начал спрашивать что-то про Маринку, но мама прервала наш разговор, и отругала меня за то, что я «раздаю номер телефона кому-попало». Я не пойму, чем всем взрослым так не угодил Карась. Ну да,

ему уже двадцать лет, да, он тракторист, выпивает иногда, как все деревенские мужики... Я его и сама недолюбливала раньше. Но всё же Карась – свой пацан, и здесь, в городе, даже его голос, как весточка из далекой деревни. Мама говорит мне что-то о том, что люди делятся на классы, и что в университете я найду себе друзей, достойных меня... Но эти её слова меня только расстроили и разочаровали. Это всё как-то рознится с тем, что прививали мне в деревне бабушка с дедушкой. Какие классы? Почему я должна дружить с одними и не дружить с другими? Меня воспитывали на сказках, где все равны, где бедные умнее и честнее богатых, где добро побеждает зло, где старый друг-лучше новых двух.

Кстати, старые друзья, действительно не забывают друг друга. Мне иногда звонит Маринка Муртазаева, и Лёнчик Сацин – люди, с которыми в школе мы не особо то и дружили. Муртазаева поступает в кулинарный техникум. После окончания школы она внезапно похорошела, накупила себе модной одежды, красиво собирает густые блестящие чёрные волосы в высокий хвост, красит длиннющие (оказывается) ресницы и выглядит просто отлично. Лёнчик на днях приезжал к Нинке, они гуляли по городу. Здесь в городе сплочённость нашего класса чувствуется острее. Мы здесь все одиноки. Вовка Лифанов не звонит. У него тоже нет телефона. Он видится с Королёвой у неё во дворе в беседке. Вовка снимает комнату где-то рядом с её домом. Мы мечтаем встретиться все вместе. Но пока я не езжу одна по городу. Боюсь

заблудиться.

Вчера вечером звонил мой Лёшка, я сказала ему свой адрес, он обещал приехать на днях и погулять со мной, сходить к Королёвой и к Нинке. Боюсь сказать об этом маме. Думаю, она меня не выпустит, скажет, что надо учить или, не дай бог, придумает что-нибудь о том, что Лёшка тоже —не мой уровень.

Завтра я еду с мамой в свой будущий университет записываться на недельные подготовительные курсы. Университет как раз рядом с Нинкиным домом. Теперь, надеюсь, мы будем часто видеться с сестрой.

Подготовительные курсы

Жизнь в ВУЗе совсем не похожа на школьную. В огромном классе, который называется аудитория, нас человек пятьдесят. Среди девочек всего три парня. Все парни непривлекательные и вообще какие-то странные: один с крашеными волосами и серьгами по всем ушам, второй – нестриженный ботаник в очках с толстенькими линзами, третий в старомодном сером костюме ходит женской походкой и постоянно улыбается в пустоту.

Между собой все дружат маленькими компаниями или парами. Некоторые вообще ни с кем не дружат, сидят на первых партах, всё время пишут и задают вопросы преподавателям. Это отличницы. Их человек десять. Я никогда не видела такого скопления умников сразу. Они все как на подбор: в очках, со старинными косами до пояса, в длинных юбках из бабушкиного сундука. У них и имена очень подходящие: Ульяна, Надя, Галя. Ясно, что они приехали из каких-то глубоких деревень. Я и не думала, что деревни ещё бывают НАСТОЛЬКО глубокими. Я села подальше от этих ботаничек, в центре аудитории с девочкой Юлей Макаровой. Мы сошлись потому что, она закончила в городе ту же сорок первую школу, в которой я училась до третьего класса. У нас даже нашлись общие знакомые.

Села я очень удачно – середина аудитории оказалась са-

мой нормальной. Все деревенские и заумные сидят впереди, а на задних рядах скооперировались вечно хихикающей и гудящей группкой все самые странные личности: мальчик с серёжками, несколько девочек со стрижками ёжиком и кольцами в носу, длинная худящая девушка с волосами цвета болотной тины, девочка с нарисованными бровями и с килограммом тонального крема на лице и парочка грубых и матерящихся подружек, постоянно опаздывающих и громко смеющихся прямо во время занятий. Вокруг нас с Юлей все девчонки довольно приятные. Все, кстати, городские. И меня они приняли за свою. Никто не догадался, что я из деревни. Я благополучно соврала, что после сорок первой школы перешла в соседнюю двадцать вторую, где и училась до конца. Городские девочки сильно отличаются от сельских ботаничек с первого ряда. Они по-человечески одеты, красиво накрашены и ...курят. Это меня очень поразило.

У нас в деревне девчонки не курили. Это считалось позорным. Не курил никто, даже самые отвязные, а если кто-то из старших девок иногда и покуривал за углом клуба или на школьной дискотеке, это вызывало лишь презрение и кучу сплетен потом. Здесь курят почти все (ну кроме ботаничек, само собой). На переменах толпа курящих поднимается на лестничную площадку между третьим и четвёртым этажом и дружно дымят. Это место так и называется «полчетвёртого». Когда Юля в первый раз позвала меня на «полчетвёртого», я пошла за ней, даже не зная куда иду. Когда я объ-

явила новой подруге, что не курю, и ни разу не пробовала, та искренне удивилась. Я наблюдала, как Юля подкуривает сигарету «Союз-Апполон», щуря жирно покрашенные и качественно разделенные иголкой ресницы, и вдруг поняла, что Макарова с меня ростом. Я поразилась во второй раз за день, так как всегда считалась самой высокой в школе девочкой и думала, что это мой крест навсегда. Оглядевшись, среди клубов дыма я заметила еще несколько девочек моего роста и даже выше. Инна с последнего ряда, у которой болотные волосы, выше меня аж на целую голову.

Еще я заметила, что на ногах у большинства девчонок совсем нет волос. Я и раньше видела в продаже крем для депиляции ног, но пользоваться им боялась. Бабушка говорила, что от этого волосы будут расти, как щетина у мужиков. Наверное, всё же стоит попробовать этот крем. А то что я, как все эти Ульяны и Нади... У Нади, кстати, даже подмышки небритые. Видимо её дома ещё сильнее запугивали. Помню я эти сказочки про то, что волосы нигде брить нельзя, а то будут расти с бешеной скоростью. Я сама не видела Надины подмышки, но на «полчетвёртого» эту тему уже обсудили и обсмеяли. Хорошо, что я сегодня в брюках, завтра же куплю себе крем от волос.

...Занятия проходят скучно. В толстые тетради мы пишем то, что нам диктуют учителя. Здесь они называются – преподаватели. Никаких вызовов к доске, никаких проверочных работ. Просто писанина. Писанина называется – конспекты.

Пишу много, быстро и некрасивым почерком с кучей сокращений, уже болит рука. Задние ряды пишут мало, довольно громко переговариваются, прогуливают занятия. Я побаиваюсь обитателей «галёрки», они с презрением смотрят на нас: сидящих посередине, и откровенно смеются над первыми рядами.

Мы со своими девочками на переменах держимся вместе. Кроме Юли Макаровой я дружу с Катей, которая подала документы сразу на несколько факультетов и с Алиной, которая сидит впереди меня. После лекций мы идём в студенческий парк на скамейки, едим мороженое в стаканчиках и вяло общаемся. Темы банальные: кто где учился, кто где родился. Близкой дружбы не получается. Видимо, девчонки тоже еще не привыкли к новой жизни и скучают по старой. Потом все идут на остановку, а я – к Нинке. Там я, наконец, чувствую себя в своей тарелке.

Мы с сестрой сидим у неё дома, едим разогретую на сковороде картошку с котлетами, слушаем музыку, пересматриваем фотографии, вспоминаем летние посиделки в деревне. Вечером приходит с работы тётя Римма и пристаёт к нам с расспросами. Нинка психует, и закрывает дверь на кухню. Потом звонит моя мама и передаёт через Нинкину, чтобы я ехала домой, в третий раз напоминая номер троллейбуса, на котором мне нужно ехать. Пока наши мамы болтают по телефону, Ниночка идёт меня провожать.

– Мам, дай семь рублей, я куплю новый журнал «Отдох-

ни», – кричит она, обуваясь.

– А ты что устала? – не отрываясь от телефонной трубки, усмехается тётя Римма.

Мы с сестрой идём между рядами бабулек с семечками по два рубля за стакан, мимо ларька с мороженым, мимо парней-валютчиков с табличками «Куплю доллары и золото», по подземному переходу с нищими-попрошайками. Нинка доводит меня до остановки, покупает в киоске «Роспечати» тоненький журнал и пластинку жвачек «Стиморол».

Я еду домой одна. Считаю остановки. Мне выходить на девятой. Маршрут троллейбуса номер четыре я уже знаю, по остальным маршрутам ещё не езжу. Пока я пробиваю талончик, а когда сдам экзамены и поступлю в университет – у меня будет студенческий проездной билет, и я смогу ездить бесплатно на всех автобусах и троллейбусах. Я проезжаю остановку «Стадион», на городском стадионе расположился рынок. Здесь продают одежду: ядовито-оранжевые платья в цветочек с сеткой-накидкой, устаревшие лосины, дешёвые шлёпанцы на резиновой платформе.

На мне сейчас, кстати, майка с этого рынка: мы с мамой купили её за шестьдесят рублей. Чёрная майка на бретельках в обтяжку. Бретельки идут по спине крест-накрест, красиво облекая спину. Снизу на мне мамины брюки: светло-бежевые со стрелками из универмага «Белгород». Они немного мне велики, но это благополучно скрывает пояс-резинка с бабочкой-застёжкой. В общем, никто из университетских

девчонок не подозревает, что мой гардероб – это сложное сочетание дешёвого рынка «Стадион» и дорогого магазина. Всем всё нравится. Я выгляжу отлично: худенькая, стройная, с лакированной чёлкой. Я совсем не деревенская девочка, я очень даже городская.

Я очень боюсь проехать свою остановку, потому что, если проеду мимо, могу не найти дорогу обратно. Хорошо было бы сейчас выйти и увидеть у подъезда Лёшку, ведь он обещал, что заедет ко мне.

Дома мама говорит, что мне звонила Королёва и какой-то парень. Наверное, это был Лёшка.

Первые выходные

Сегодня суббота. Подготовительные курсы закончились. В среду первый экзамен – литература. Мама разрешила мне в выходные отдохнуть и ничего не учить. Но в деревню везти меня отказалась. Обещала, что поедем в следующую пятницу, если я успешно сдам экзамен. Сдам, конечно. Литературы я не боюсь. Я отлично знаю все билеты. Ещё бы, столько времени так интенсивно зубрить! Тут уже любой дурак выучит всё наизусть.

На выходные у меня грандиозные планы: повидать старых знакомых.

Во-первых, случайным образом выяснилось, что вместе с Королёвой в её колледж поступает моя одноклассница из сорок первой городской школы Ленка Ефимова. И она меня помнит, и хочет увидеться. Ничего, что раньше мы с ней не особо дружили, сейчас-то мы все выросли, изменились. Вспомним детство, может быть с помощью Ленки удастся разыскать свою близкую подружку-одноклассницу Инку Воронцову. Мне очень интересно посмотреть на девчонок спустя семь лет.

Во-вторых, мама обещала свозить меня к Оксанке из общаги. Они с тётёй Людой давно получили квартиру и живут где-то в центре города. В последний раз Оксанку я видела, когда та еще ходила в детский сад. А сейчас ей уже четыр-

надцать лет.

В субботу я сама, как взрослая, еду в центр города на встречу с Ленкой Ефимовой. Еду с пересадками: сначала на автобусе, потом на троллейбусе. Считаю остановки, боюсь что-нибудь перепутать. Но всё обошлось. Выхожу на остановке «Кинотеатр Родина». Ефимову узнаю сразу. Она ничуть не изменилась, только повзрослела. Мы сидим на скамейке в парке, обсуждаем личную жизнь. Ленка рассказывает мне о своей безответной любви к парню из параллельного класса. Я предлагаю поехать к Инке Воронцовой. Я помню её адрес: Бульвар Юности восемь. Квартиру не помню. В те времена Инкин дом был самым последним на окраине города.

Дом находим с трудом – теперь он за ним целая улица новостроек из бежевых панелей с полукругами на балконах. На подъездах висят списки жильцов. Мы обходим все подъездные двери, находим табличку с фамилией Воронцов Н. В. и звоним в звонок. Нам открывает Инкина мама. О, боже – я её помню. Та самая женщина, которая кормила нас с Инкой жареной картошкой после школы.

– Инна, это к тебе, – растерянно произносит она – не узнаёт нас.

Из комнаты выходит Инка. Та же самая рыжая Инка, с таким же хвостиком, перевязанным резиночкой, только взрослая: выше ростом, и с оформившейся фигурой.

– Привет, узнаешь? – я стараюсь скрыть улыбку, распира-

ющую щёки, и вести себя как можно более сдержанно. Почему-то мне кажется, что в моём возрасте сильно радоваться и искренне по-детски улыбаться уже не очень прилично. (Правило хорошего тона – улыбаться всем вокруг, появилось позже)

– Витка! Ты? Вот это, да! – Инка мгновенно вспоминает меня. Инка тоже слегка скрывает свою радость, но я вижу, что подруга очень приятно удивлена мне. Ленке она рада меньше. С Ефимовой они всегда общались натянуто.

Мы проходим в квартиру. И я тут же всё вспоминаю: домики, сделанные из спичек, стоящие в стенке (раньше было модно делать такие домики), большая мохнатая игрушечная собака в кресле, Инкин папа без двух пальцев на руке. Так интересно: оказывается, память хранит всё, но где-то на дальних полочках. Ведь всё это время, я совсем не вспоминала об этой семье. И вдруг я понимаю, что помню это квартиру до мелочей, в ней почти ничего не поменялось за эти годы. Ведь, я знала, что у Инкиного отца нет пальцев, я когда-то носила на руках эту большую собаку, подаренную Инкиным крёстным ей на день рождения, я восхищалась спичечными домиками, и мечтала, чтобы Инка подарила мне один, но она говорила, что отец не разрешает дарить.

Боже, как это было давно! Целая жизнь прошла с тех пор: целых семь лет.

Инна показывает нам с Ленкой фотографии. Старые чёр-

но-белые и новые цветные. На них мои бывшие одноклассники вперемешку с какими-то другими людьми: приходили новенькие, кто-то уходил в параллельные классы. «7е класс» – надпись в уголке фотографии. Вот Амир Алиев – красивый черноглазый парень. Он ушёл после девятого в лицей, учиться на токаря – объяснила Инка. (сейчас все ПТУ стали называться лицеями). Вот Вовка Колесников, с которым я сидела за одной партой во втором классе – его оставили на второй год после восьмого. Вот Маринка Новикова – самая красивая девочка класса. Инна сказала, что Маринка совсем недавно обожгла себе лицо: варила сгущёнку, и банка взорвалась, Маринка теперь лежит в больнице, и поступление в институт у неё сорвалось и отложилось до следующего года.

Посмотрев все четыре толстых фотоальбома, включая альбом с неизвестными мне людьми – Инкиными дальними родственниками, попив чаю с самодельным печеньем с прикольным названием «пальчики», мы выходим во двор.

Лето, полдень, жара. Двор почти пустой. Дети разъехались на каникулы, или сидят по квартирам – смотрят «Улицу Сезам» и играют в приставку. Все качели и турники те же – из детства. Будто временем совсем не тронутые. Но качаться нам уже не к лицу. Мы, не спеша, идём вдоль двора в сторону своей бывшей школы. Она в нескольких метрах от Инкиного дома. Навстречу нам то и дело попадают такие же пары и тройки девочек, степенно прогуливающиеся

под ручку. Инка шепчет одними губами: «Смотрите, смотрите это Олеся – шлюха». И хотя ни я, ни Ленка не знаем Олесю, но каждая из нас считает своим долгом смерить поравнявшихся с нами девочек презрительным взглядом. В ответ Олеся-шлюха и её подружки одаривают нас такими же взглядами, а когда мы отходим чуть подальше – ещё и громкими смешками.

Мы подходим к сорок первой школе. Здесь тоже всё по-прежнему. словно этих семи лет и не было. Для меня семь лет – целая жизнь. А для города, оказывается, это совсем не много. Я будто снова вернулась в детство. В носу сам собой возник забытый запах размокшей булки с вареньем, завернутой в запотевший целлофановый пакет. Такой бутерброд мама часто давала мне с собой в школу.

Те же клумбы, те же огромные окна столовой на первом этаже, тот же вход в раздевалку-подвал. Всё закрыто – летние каникулы. Только стеклянные двери центрального входа не закрыты. На его ступеньках мы каждый год фотографировались первого сентября: в первом, во втором и в третьем классе: на первой ступеньке самые красивые улыбающиеся девочки в белых фартучках, гольфах и больших бантах, по краям самые низкорослые мальчишки, ступенькой выше —вся основная масса вместе с учительницей, а на последней ступеньке – те, кто очень высокий, а также разгильдяи, пришедшие без парадной формы и октябрятской звёздочки, двоечники и скромники. У них видны только головы, пара

человек на фотографии получают с закрытыми глазами: моргнули во время вспышки. Хочется войти внутрь школы, но девчонкам я стесняюсь это предложить. У них такие усталоравнодушные лица, и я стараюсь изо всех сил, чтобы они не заметили моего восторга и ностальгии.

Так странно... Так интересно... Такое всё далекое и близкое одновременно... Так недавно мы были маленькими, но так ощутимо течение времени. Инка и Ленка вроде бы такие «свои», но такие «чужие» в то же время. С ними не поболтаешь на любимые темы. Можно, конечно, рассказать им всю-всю свою деревенскую жизнь. Но они не ничего поймут: они же не знают всех «наших», они не сидели лунными ночами в кормоцехе, не слышали шуток Белого, не знают Королёву, Веталю и Макса. Да они и слушать так долго не захотят. Зачем им чужая жизнь? У них здесь свои мальчишки, свои истории любви.

И вообще, всё это общение не то... В детстве мне было весело общаться с Инной, а сейчас вот я иду по жаре и слушаю про шлюху Олесю, про какого-то Диму из соседнего подъезда, у которого с этой Олесей роман. Мгновенно понимаю, что Воронцова в этого Диму влюблена, и, соответственно, догадываюсь, почему Олеся, в Инкином понимании — шлюха. Хотя вслух она о своих симпатиях не говорит. Но я за свою жизнь столько таких рассказов от Королёвой наслушалась, что уже, как опытный психолог, с первого предложения понимаю, кто кому нравится.

Зачем мне рассказы о незнакомых мне людях? Гораздо приятнее мне сейчас было бы повидаться с Маринкой Со-нюшкой и Маринкой Улиной, погулять с шайкой Белого, послушать заумные рассуждения Рустама, поболтать с Ирккой Швецовоой... Где вы, мои дорогие, мои любимые друзья? Как сложилась ваша судьба? Такое чувство, что вас я не видела тысячу лет, гораздо дольше, чем девочек из сорок первой школы...

Мы прощаемся с девочками на остановке, записываем друг другу в записные книжки свои домашние телефоны и полные адреса с почтовым индексом, на всякий случай. Договариваемся увидеться «как-нибудь после экзаменов». Я еду домой в жёлтой гармошке, автобус полупустой, но я еду, стоя в хвосте. Это негласное место для молодёжи. В эти последние – четвертые двери длинного автобуса частенько заходят симпатичные парни с модными барсетками, и становятся рядом. В заднее стекло я наблюдаю свою общагу из детства. Изо всех сил всматриваюсь в уплывающую картинку, считаю этажи, пытаюсь определить «наш» балкон. Здание общежития тоже не изменилось. Правда, на боковой глухой стене – большой рекламный плакат с надписью: «Выращиваем грибы вешенка дома». И шестизначный номер телефона. Раньше на этом месте красовалась надпись: «Мишка кАзёл», не такая большая, конечно, как плакат – из автобуса не было бы видно. Я совсем забыла об этой надписи, а сейчас вот вспомнила. В который раз за день удивляюсь возможно-

стям человеческой памяти, ловлю за хвост очередную порцию ностальгии, и успокаиваюсь. На сегодня – хватит.

Ближе к вечеру возвращаюсь домой, а у подъезда меня ждёт Лёшка...

Не могу сказать, что я Лёшку безумно люблю. Люблю, конечно, но как-то не так, как любила Чернова в восьмом классе. Не так, как влюблялась во взрослых мальчиков из шайки «Белый и компания» на сельской ночной «улице». И, конечно уж, нет так, как умеет любить Королёва: со слезами и театральной романтикой. Я не говорю о Лёшке с подругами круглыми сутками. Не думаю о нём с утра до ночи. А когда кто-то спрашивает, есть ли у меня парень, отвечаю по ситуации. Если я уверена, что спрашивающий никогда с Лёшкой не пересечётся – говорю, что да – парень есть, и описываю своего Лёшку в подробностях, меняя ему в своих рассказах цвет волос и глаз на более тёмный, характер на более твёрдый, а телосложение – на более крепкое. А когда знакомые из села спрашивают встречаюсь ли я с Лёшкой-почтальонкиным, говорю, что мы просто друзья. С одной стороны, я не стесняюсь того, что мой парень – спокойный, скромный мальчик, который младше меня на год. Мне даже нравится его податливый, добрый характер, его голубые влюблённые глаза. Но, с другой стороны, я всегда мечтала о сильном, дерзком, остроумном красавце —брюнете с широченными плечами. Я люблю Лёшку как-то спокойно, без страданий,

без слезливых записей в ежедневнике. Я знаю, что Лёшка — только мой, знаю, что он никуда не денется от меня. Знаю, что он меня никогда не разлюбит. «Никогда» – не в смысле до старости: так далеко я еще не задумываюсь. Я не задумываюсь и ближе: о нашей свадьбе, например, я тоже не думаю никогда. Всё это кажется таким отдалённым и пока ненужным.

«Никогда» – в том смысле, что я точно уверена, что не разлюбит, пока он – Лёшка мне самой нужен. А когда станет не нужен, мне будет не важно любит он меня или нет, страдает или нет... Наверное, я думаю так, потому что Лёшка – моя первая взаимная любовь. А может быть потому, что втайне надеюсь встретить кого-то лучше.

Я вижу все Лёшкины недостатки. Я стесняюсь его спортивного костюма под чёрные остроносые туфли, я смущаюсь, когда он говорит что-то не в тему, или глупо хихикает, тем не менее, я готова вступить за него перед всеми, кто имеет что-то против. Но я не восхищаюсь им... Нет, к сожалению, не восхищаюсь. Я вижу все его оплошности (слово «косяки» появилось гораздо позже), и мне это не нравится. Своим парнем я хочу восхищаться, ловить каждое его слово, заглядывать ему в рот, и любить беззаветно и самоотверженное. Кажется, так пишется в стихах.

Лёшка любит меня именно так, как надо – беззаветно и самоотверженно. Я, привыкшая, к тому, что я слишком высокая, слишком закомплексованная, слишком «правильная»,

до сих пор не могу понять, за что меня можно любить? То, что Лёшка полюбил меня такую, какая я есть, мне не льстит. Меня это как-бы унижает. Ведь не полюбил же меня Чернов, не полюбил Белый, Макс, Веталь... Никто из классных пацанов меня не полюбил... Все они любили Королёву. Но Маринка совсем другая. Она кокетка, она романтичная, она красивая: низенькая, голубоглазая, умещающая заинтриговать и заинтересовать. Я на её фоне всегда терялась. И теперь, мне кажется, что я и Лёшка сошлись по принципу выбора: я невдаля и он невдалый. (Это слово из лексикона сестры – Нинки). А мне хочется быть лучшей из лучших и парня себе я хочу такого же.

Но, тем не менее, когда рядом нет никого из знакомых, когда Рустам не посмеивается над Лёшкиными усами над верхней губой, когда Белый не обзывает его «чандриком», мой парень мне нравится. Мне приятны его объятия, его поцелуи. Да, признаюсь, я целовалась с Лёшкой. Ещё в школе, в одиннадцатом классе, когда Швецова начала целоваться с Рустамом, а Королёва с Карасём. Я тогда подумала, что пора начинать и мне. Первый поцелуй мне понравился. Я всегда боялась, что будут какие-то слюни и чужие запахи, а нет... Всё так нежно, так интересно. Темно, вокруг какая-то возня, парочки на скамейках, но никто не видит друг друга. Лёшка часто и прерывисто дышит. Его тёплые губы. Мы смущённо признаёмся друг другу, что не умеем целоваться. Для меня, как для девушки – это плюс, а для Лёш-

ки-минус. Но он не стесняется признаться в своём дебюте. Как ни странно – у нас всё получается. Мы целуемся весь вечер под песни группы «Ненси», целуемся по дороге домой, целуемся у моей калитки. И всю ночь я мечтаю поцеловаться снова. Очень мне это дело понравилось... Я знаю, что парень должен возбуждаться во время поцелуя. Мне интересно – возбуждается ли Лёшка? Но, как это проверить, я не знаю. По его дыханию, и силе объятий, я делаю вывод, что возбуждается. Мне это льстит.

...Лёшка приехал ко мне в городе. На фоне городского неба, когда вокруг столько разных, интересных, модных людей, «мой парень» смотрится как-то странно. Как-то «поколхозному» просто, но всё же, мило... Лёшка в спортивной олимпийке и в чёрных брюках со стрелками, надушенный туалетной водой «Коза Ностра», приехал не один – с другом. Друг Дима – симпатичный обаятельный мальчик, с опущенными уголками глаз, как у Маринки Улиной. Парни пытаются острить наперебой. У Димы получается лучше, хотя, может быть, и не лучше – просто по-другому, и от этого необычно. Я смеюсь. Лёшка подревновывает. Мы все вместе едем в центр на маленькой маршрутке. На маршрутке! Не на автобусе. Мы шикаем! В маршрутках не ездят студенты, не ездят бабульки с ведрами, там нет давки и ругани. Люди, едущие на маршрутках, всегда казались мне более воспитанными, интеллигентными, обеспеченными. И сейчас я среди них. Самооценка и настроение повышается вдвое.

Лёшка платит за проезд – за каждого по два рубля.

В центре мы гуляем по парку с фонтанами. Ржём без причины, Дима покупает в ларьке сигареты поштучно, баночку пива и мне банановую шоколадку. Они с Лёшкой распивают пиво на двоих. Вообще-то, я запрещаю Лёшке пить. Это у нас игра такая. Я запрещаю – он втихаря пьёт. И ему нравится это. Вроде как, я такая полноправная его девушка, которая запрещает пить, курить и всячески шалить. Но на самом деле мне всё равно, пьёт Лёшка или курит. Я никогда не понимала Королёву, которая тиранила своего Караса за выпивку и сигареты. Но, раз девушке положено так себя вести, значит буду запрещать. Я немного, для вида, повозмущалась насчёт пива, чем вызвала нескрываемый приступ гордости Лёшки перед Димой. Потом мы грызли семечки на скамейке, кормили ими голубей и слушали один плеер на троих. Одна и та же песня на повторе. Новая, самая классная, группа «Руки вверх».

«Ну где же ты, студент, игрушку новую нашёл...» Я почему-то думала о нас с Лёшкой и Диме. Проводила аналогию со словами песни: «Не думал не гадал, а девочку мою увёл». Мне казалось, что я нравлюсь Диме. От этих мыслей было приятно. Я чувствовала себя свободной, городской, красивой...

Уже совсем стемнело. Зажглись фонари. Парк опустел. На улицах осталась одна молодёжь. Город стал каким-то уютным и родным. Мы проводили Диму на остановку, а Лёшка

поехал провожать меня. Последний троллейбус уже уехал. Мы снова сели в маленькую маршрутку. Жуткая романтика! Тесное заднее сиденье. Огни города за приоткрытым окном. Лёшкина рука на моём плече. Я в восторге: я такая взрослая, еду с парнем в ночной темноте... Мы тихонько целуемся на глазах всей полутёмной маршрутки. Блин, вот влетит мне сейчас от мамы за позднее возвращение.

...Воскресенье, утро... Мама с красивой укладкой и в свежевыглаженной блузке с коротким рукавом открывает дверь в мою комнату:

– Вита, вставай, уже девять часов.

Я улыбаюсь яркому солнышку в окошке, красивой маме, вчерашней встрече с Лёшкой.

– Встаю, мам, – вечер прошёл безнаказанно, видимо, мама смотрела слишком интересный сериал, или не следила за временем, но моё позднее возвращение осталось без внимания. А сегодня мы, как и планировалось, едем к Оксанке.

Чай с бутербродами на светлой, чистой, пахнущей новыми обоями, кухне под передачу «Доброе утро, страна», запах дезодоранта «Импульс» в ванной, щипцы для завивки волос, помада «Дзинтерс» с мамой одна на двоих. Такие новые запахи, новые привычки, предчувствие чего-то необычного, полностью новая жизнь... Хорошая она всё-таки, эта жизнь!

Остановка, троллейбус, летнее солнце, тополиный пух... Девятиэтажный дом, шумный двор с кучей детей, с воняю-

щами мусорными баками, с кошками, с бельём на верёвках посреди двора. Звонкие удары от мяча, и глухие – от выбивалки для ковра. Велосипеды, скакалки. Все атрибуты городской дворовой жизни. Кажется, что все дети из девятиэтажки разом высыпали во двор. Я выискиваю глазами Оксанку, почему-то мне хочется, чтобы она была здесь. Ведь если её нет во дворе, когда все дети гуляют, значит их тётёй Людой может вообще не быть дома. Они же не знают, что мы придём, мы не предупредили – у них нет телефона.

Я хочу найти Оксанку и неожиданно нахожу... Теоретически я понимала, что подруга выросла за это время, но в памяти она оставалась для меня той маленькой девочкой с толстыми щёчками и губками-бантиком. Поэтому искала я её глазами где-то в районе песочницы и качелей. И пока я смотрела на снующих по двору детей, от стайки подростков, топчущихся у подъезда, отделилась фигура девочки. Отделилась и уверенно направилась к нам.

Оксанка узнала мою маму издалека и сразу. Ведь она видела её не так давно: после получения квартир наши мамы не перестали общаться и периодически встречались.

– Тётё Тань, здрасте, – громко и чуть хриловатым голосом произнесла девочка и посмотрела на меня, – а это Вита, да?

Она спрашивала про меня у моей мамы, не обращаясь ко мне лично. Вряд ли она меня хорошо помнила. Ведь они с тётёй Людой получили квартиру первыми из всех, и перееха-

ли даже раньше, чем я перешла учиться в сельскую школу. То есть Оксанке было лет пять, когда мы виделись с последний раз. Я почему-то смутилась и опустила глаза на Оксанины ноги. Несмотря на начало лета, ноги её загорели до шоколадного цвета, причём ровно – без следов от босоножек, а на ногтях загорелых пальцев — красивый лак, переливающийся то розовым, то голубым цветом.

– Да, это Вита, – заулыбалась мама, – А что, не похожа?

– Похожа... Такая красивая! И на вас, тётъ Тань, тоже похожа, – Оксанка вежливо улыбнулась, – Ты точно такая же, как в детстве, только без косы, – это она сказала, обращаясь уже ко мне.

Не попрощавшись со своей компанией, Оксанка повела нас к угловому подъезду. Компания смотрела нам в след. Я успела заметить, что парни там взрослые – лет по семнадцать, и все симпатичные, а девчонки разные: и высокие, и толстые, и красиво-накрашенные феи, и замухрышки с жиденькими хвостиками. Почему-то чувствовалось, что Оксанка в этой компании – лидер.

Надо отметить, что я не ошиблась. Вообще, повзрослевшая Оксанка очень удивила меня.

Во-первых, своей красотой. Тёмные блестящие волосы до лопаток, без челки на прямой пробор, никаких начёсов, никакого лака, просто струящийся каскад (мне всегда нравились именно такие волосы, хотя принято считать, что кудрявые, волнистые и замысловато уложенные – красивее), яр-

кие голубые глаза, пухлые губы. Если в детстве Оксанка была копией Алёнки с шоколадки, и её дразнили губошлёпкой, то сейчас она очень похожа на певицу Наташу Королёву. А большие губы, оказывается, смотрятся очень красиво.

Во-вторых, четырнадцатилетняя девочка оказалась не по годам умной. С ней очень интересно общаться. В сотни раз интереснее, чем с Воронцовой и Ефимовой, хотя с Оксанкой мы не виделись даже дольше, чем с ними, да и разница в возрасте у нас без малого три года. Но, тем не менее, разговаривать с Оксанкой было так же легко и увлекательно, как, например, с Нинкой. Пока наши мамы пили чай на кухне, мы успели обсудить и наше общее общаговское детство (которое подруга, на удивление, помнила так же хорошо, как и я), и не общую подростковую жизнь. Оксанка с большим интересом слушала мои рассказы, задавала уточняющие вопросы, смеялась над прикольными вещами и сопереживала вещам грустным. Я видела, что ей реально интересны мои истории. А когда слушатель отзывчивый, то и рассказчик становится искуснее. И рассказы занимательнее...

Потом мы поменялись ролями: я слушала, а Ксюша (именно так Оксанку теперь называли во дворе) рассказывала. И мне тоже было интересно слушать её. Хотя никого из героев её рассказов я не знала, но подруга так смешно и красочно описывала характеры своих друзей, что к концу повествования мне стало казаться, что я хорошо знакома с ними со всеми.

А ещё мне нравилось слушать Ксюшу, потому что она смотрела на жизнь, и описывала её с какой-то другой, неведомой мне, стороны. В её жизни она – королева. Никаких комплексов, присущих четырнадцатилетней девочке, никаких переживаний, никаких сомнений в своей абсолютной правоте и неотразимости. Но, вместе с тем, никакого зазнайства, никакого презрения к другим. От неё веяло спокойной, непоколебимой уверенностью в себе. Уверенностью, не требующей доказательства. Таких девочек я в своей жизни ещё не встречала. Даже Королёва, которая всегда была убеждена, что она первая красавица мира – она совсем другая. Маринка часто краснела, волновалась дело не по делу, и нередко прятала своё смущение и нервы за бессмысленными обидами, психозами, оскорблениями и пренебрежением к окружающим. Вот парни, такие как Ксюша – были. Например, всегда спокойный, справедливый и самоуверенный Серега Чернов – моя школьная любовь.

Такие, как Оксанка, в жизни вообще не дружат с обычными людьми. Такие сидят в университете на галёрке, среди безупречных красавцев, свободных неформалов и непризнанных гениев с обаятельными странностями.

В общем, мы остались довольны друг другом. Я Ксюшей – по всем вышеизложенным причинам, а она мной – не знаю почему... Хотя почему бы и нет? Со мной обычно все быстро сходятся и без труда ладят, со мной легко, и я «не напряжная», – так когда-то охарактеризовала меня одноклассница

Маринка Неманихина.

Вступительные экзамены

Сегодня я сдаю первый вступительный экзамен – литературу. Это самый лёгкий для меня предмет: я знаю наизусть все стихи и отрывки из школьной программы, и очень многое не из программы. У меня очень хорошая память: мне достаточно один раз прочитать понравившееся стихотворение, и я его уже не забываю. Так же я помню биографии всех писателей, и исправно читала полностью все произведения.

На экзамен пришло не очень много народу: человек сорок. Остальные уже сдавали литературу вчера и будут сдавать завтра. Я быстро нашла Юлию Макарову. Здесь, в университете, почему-то не принято говорить: «Юлька, Ленка, Наташка». Все называют друг друга вежливо, произнося имя без пренебрежительного суффикса «к». Юля была без настроения, говорила, что не успела выучить билеты, часто ходила на «полчетвёртого» курить.

Запускают народ в аудиторию небольшими партиями – по пять человек. Вошедшие тянут билеты, и садятся готовиться.

Мы – оставшиеся за дверью поначалу прислушиваемся к звукам в аудитории, повторяем билеты, листаем свои конспекты. У многих заготовлены всевозможные шпаргалки (здесь их называют «шпоры»): маленькие листочки, написанные мелким почерком и сложенные в гармошку. Одна

девочка написала себе «шпоры» на ногах под длинной красной юбкой.

Ожидание долгое и томительное. Но мне совсем не страшно. Я не ною, как многие, не жалуясь, что ничего не знаю. Я точно уверена, что сдам экзамен. Не знаю, откуда взялась эта уверенность. Мне хочется отделаться и поскорее пойти к Нинке, поесть у неё макарон с тётъ Риммиными вкусными котлетами, послушать старые кассеты, пообсуждать новости и повспоминать прошлое.

Многие девочки отложили тетради, и тихонько переговариваются. В коридоре жарко и душно. Хочется есть и пить. Сидящая рядом рыжая Ира в короткой дерматиновой юбке кислотно-зелёного цвета, предлагает мне сходить в буфет. Мы с ней идём по длинным пустым коридорам на первый этаж: покупаем себе по сочнику с творогом. Выясняется, что Ира – почти моя землячка, из Прохоровки.

Когда возвращаемся – толпа уже волнуется. Оказывается, за время нашего отсутствия из аудитории вышли две девочки: первая – с пятёркой, вторая – в слезах. Все обсуждают вторую девочку, которая убежала молча, никому ничего не объясняя. Кто-то говорит, что эта девочка – отличница и дочь директора школы, в которой училась. Этот факт посеял панику. Всем стало ещё страшнее: если отличники не сдают экзамен, если связи не имеют никакого значения, что же будет с нами – простыми смертными из разных уголков области?

Время пошло быстрее. Девочки стали выходить одна за другой. В основном радостные – с пятёрками и четвёрками. К вышедшим тут же бросалась толпа с вопросом: «ну что?» Тут же один осмелевший человек из коридора входил в аудиторию – тянуть билет. Ира из Прохоровки сказала мне, что заходить лучше в середине потока. Логика была такая: «сначала приёмная комиссия очень строгая, будет задавать много вопросов, к концу же – все будут уставшие и раздражённые, а вот в середине – самое хорошее время.

До середины ещё долго, чтобы скоротать время, мы с Ирой пошли сначала в туалет, потом прогуляться по первому этажу. Там сейчас совсем пустынно: закрытые двери с непонятными надписями: «Деканат», «Кабинет педагогики Монтессори», «Кафедра русского языка», «Кабинет романо-германской филологии».

Мы остановились у «Деканата» почитали расписание экзаменов и списки абитуриентов. Посмеялись над фамилиями из этого списка, выдвинули свои предположения, кто из присутствующих может носить фамилии Тёлкина и Хамандяк. Среди списка были и все стандартные, простые фамилии и имена: Иванова Мария, Петрова Ксения, Сидорова Ульяна. Мы, почти безошибочно (как потом выяснилось), угадали кому из деревенских отличниц они могут принадлежать.

Сама Ира производила впечатление двоечницы, не особо одарённой интеллектом. Ей, по-моему, вообще было пле-

вать на экзамен. Она, как типичная сельская девочка, не курила. Но выглядела, если честно, как немного странноватая проститутка, по наивности оказавшаяся в этой профессии, или как девушка, у которой совсем нет вкуса: зелёная мини-юбка из кож. заменителя, красные босоножки на высоченной платформе, белый гипюровый топик на чёрный лифчик, незагорелый плоский живот с пирсингом в пупке. Рыжие крашенные волосы с серыми, мышинными корнями, стройные бледные ноги в комариных укусах, ядовито-жёлтый лак на ногтях, и на фоне всего этого – некрасивое, словно помятое лицо с большим мясистым носом в чёрных точках. В целом, Ира казалась девочкой доброй, простой, но глупой... Дружить с такой я бы постеснялась, дабы не казаться такой же как она. Хотя общаться с ней сейчас легко и весело.

Когда мы снова поднялись на второй этаж, толпа заметно поредела. К выходящим из аудитории, уже никто не подбегал с расспросами, а возле входа стояла очередь из «смельчаков». Всем надоело мучительное ожидание, люди проголодались, хотели поскорее разделаться с экзаменом и уйти домой. Мы с Ирой стали спрашивать, кто после кого заходит, в итоге заняли места почти в хвосте очереди. Когда вышла моя Макарова я не видела, и не знала, сдала ли она экзамен.

...Я вошла в аудиторию чуть раньше своей очереди: кто-то в последний момент испугался и уступил мне своё место. Здесь, склонив головы над листочками с печатями, че-

рез стол друг от друга, сидели девочки. В приёмной комиссии три женщины: одна толстая с высокой причёской, вторая совсем не старая, но с седой косой и серым платком на плечах, третья-обычная, с добрыми глазами. Она и показала мне взглядом на билеты, я вытащила первый попавшийся левой рукой (такая примета была у меня ещё со школы), и пошла готовиться. Мне достался Достоевский со своим Раскольниковым, и поэты военных лет. Я возликовала. Эти темы я знаю отлично. Мне даже незачем было готовиться. Для вида я посидела за столом несколько минут, послушала, как Данил с серёжками в ушах – парень с подготовительных курсов, вполголоса увлечённо рассказывал приёмной комиссии о повести Булгакова «Мастер и Маргарита» (умный парень, кстати, оказался, хотя и сидел на курсах на «галёрке»). Он вышел из аудитории с пятёркой, а я на вопрос: «кто готов?» сразу подняла руку.

Пока я уверенно рассуждала на тему «твари ли мы дрожащие или право имеем?» преподавательница с причёской что-то писала, не поднимая головы, та, которая с платком, несколько раз вставала, сморкалась и пила воду из маленького стаканчика, а женщина с добрыми глазами внимательно меня слушала, улыбалась и кивала.

– Ну, что скажете, Татьяна Фёдоровна? – Спросила её «причёска», когда я выдохнула – Всё понятно? Пусть идёт? Оказывается, она тоже меня слушала.

– А что там у нас во втором вопросе? – отозвалась добрая

женщина – поэты Великой Отечественной? Стихотворение на Ваш выбор, прочтите, пожалуйста. – Обратилась она ко мне на «Вы».

Я читала «Варварство» Мусы Джалиля. Это стихотворение не из школьной программы. Я выучила его давно – в детстве, потому что оно брало за душу. Я читала выразительно, с паузами:

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами...

Приёмная комиссия слушала, не шевелясь, «причёска» больше не писала, «коса» убрала свой носовой платок, и откинула шейный. У «обычной женщины» добрые глаза наполнились слезами. Она их совсем не стеснялась, слушала, продолжая кивать, и шевелила губами – читала про себя вместе со мной.

Если честно, я знала, что это стихотворение в моём исполнении, вызывает такую реакцию. Я уже доводила им до слёз жюри на Прохоровском конкурсе, посвященном 50-летию Победы.

На словах «Две жизни на земь падают, сливаясь. Две жизни и одна любовь...» я театрально опустила глаза, и заметила, что в листочке напротив моей фамилии стоит «пять».

Закончив читать, я улыбнулась и приготовилась вставать, а «обычная» женщина, смахивая слёзы, вдруг попросила уже

на «ты»:

– А прочти ещё что-нибудь.

Я поняла, что моя судьба на сегодня уже решена, и это уже она просит не по-преподавательски, а по-человечески. Я знала, что ещё прочесть, раз уж им не хватило эмоций...

Я прочла «Чулочки» того же автора, чем довела Татьяну Фёдоровну почти до рыданий.

...После экзамена я еду не к Нинке, а прямо домой – хочется поскорее обрадовать маму.

– Ну что? – произносит мама, едва открыв мне дверь, фразу, которую я слышала сегодня десятки раз

– Пять! – неожиданно громко выкрикиваю я, не сумев сдержать радость

– Врёшь...

Мама не может поверить в мои способности, но её глаза мгновенно наполняются радостью.

До следующего экзамена три дня. За это время я успеваю уже самостоятельно съездить к Ксюше, поночевать у Нинки, встретиться с одноклассницей Муртазаевой и заехать в гости к Королёвой вместе с Лёшкой.

Летний город, старые друзья, бесконечное мороженное из ларьков, пепси-кола рекой, какие-то брелочки, заколочки, музыкальные шкатулки, журналы «Cool», постеры с певцами, кассеты, – всякая дребедень, которой здесь на каждом шагу так много, и которую я теперь могу сама себе покупать.

Парк аттракционов, романтические поездки в маршрутках, подъезд, где мы с Лёшкой долго прощаемся вечерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.